

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5195148>

Обратный отсчет

Направленность: Джен

Автор: [myrngwaur](https://ficbook.net/authors/1614426) (<https://ficbook.net/authors/1614426>)

Фэндом: Warhammer 40.000

Пейринг или персонажи: Пертурабо, Фулгрим, воспоминания о Магнусе, капитан Форрикс и его железные подчиненные, немного Несущих Слово в их классическом амплуа

Рейтинг: PG-13

Жанры: Фантастика, AU

Размер: Миди, 31 страница

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Пертурабо на Истваане и в собственной памяти.

Примечания автора:

Внимание: аушные моменты.

- а) с Фулгримом очень многое совсем иначе, чем в книжном каноне;
- б) с Железным Воинами и их ранней историей все сложнее, чем в книжном каноне;
- в) с Дантиохом вообще все не так, как в книжном каноне;
- г) у Пертурабо вообще все сложно, но это и в каноне так было, что уж.
- д) никакого Альфа-Легиона на моем Истваане!

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Here's to being human
Taking it for granted
The highs and lows of living
To getting second chances

I wish I knew what it was like
To care about what's right or wrong
I wish someone could help me find
Find a place where I belong, but

I am machine
I never sleep
I keep my eyes wide open
I am machine
A part of me
Wishes I could just feel something
I am machine
I never sleep
Until I fix what's broken
I am machine
A part of me
Wishes I could just feel something

(Three Days Grace)

+++

Истваан V, зона высадки

+++

Примерно через пятнадцать минут я предам Императора.

Как удивительно звучат эти слова, если говорить их от первого лица. Похоже на старинную пьесу из числа тех, что ставились в Талиакроне лет триста назад; это там отрицательные персонажи в начале представления непременно выдавали что-нибудь в духе «Вот мы, Злодейские, Безжалостные души, в Предательстве погрязшие вполне»... В реальности такого ведь обычно быть не может. Не принято говорить о себе «я – предатель и злодей»; предатель – это всегда кто-то другой, кто-то, кто перешел на сторону *врага*. Что же, я потом придумаю, как назвать то, что мы делаем, правильным образом, чтобы коллеги по общему делу не шарахались от формулировок. Но пока что я тут один, Легиона не считая, и могу называть вещи своими именами.

Серая всхолмленная равнина передо мной пока что тиха и пустынна, хотя издали доносится мерный грохот и ритмичный лязг; это наши братья Саламандры отступают под

натиском превосходящих сил. Отступают они осмысленно, все идет по плану: здесь их должны поджидать мы, и враг окажется в ловушке. На самом деле мы и правда поджидаем их, но не затем, зачем они думают. Потому что и их мы тоже уже предали, только они об этом еще не знают.

Я ничего, совершенно ничего не имею против Саламандр и их господина. Наверное, потому что почти их не знаю. Малочисленны, преданы родному миру; отличные огнеметчики и стрелки... Примарх Вулкан, говорят, спокойный и добродушный человек, склонный покровительствовать простолюдинам. Что неудивительно, учитывая, что в анамнезе он приемный сын кузнеца. Со мной он почти не общался; впрочем, я и сам считал его не вполне подходящим знакомством - мешала так и не переработанная мною до конца даже за двести-то лет аристократическая спесь. А теперь уже можно и не стараться. Еще пятнадцать минут, и я убью его и уничтожу его Легион. Хотя, как сказано выше, ничего против них лично... Было бы лучше, если бы здесь был Рогал со своими подлизами, конечно, вот это было бы просто прекрасно; тогда бы я, скорее всего, получил бы от своего предательства огромное, искреннее удовольствие. А так не получу. Просто сделаю свое дело, как обычно; и сделаю его хорошо. Здесь вся моя артиллерия, вся батарея Стор Безашх, и титаны на флангах; стоит Саламандрам пересечь вон ту холмовую гряду - а они, скорее всего, пересекут ее в полном порядке, сомкнутым строем, и будут отличной мишенью - и все закончится очень быстро. Нам не потребуется вступать в ближний бой; на дистанции в пять километров мы накроем их полностью, скорее всего, ни один так и не доберется до нас. Это, пожалуй, хорошо; мне не очень хотелось бы смотреть им в глаза. Не то чтобы я испытываю стыд, но сожаление - пожалуй; в конце концов, повернись все немного иначе, и сам я мог бы оказаться на их месте.

Я оглядываю ряды стволов. Приметив мое движение, Торамино, командир артиллерийской бригады, чуть-чуть подается вперед с того места, где он стоит, почтительно держа от меня дистанцию в двадцать шагов. Он нервничает, и я понимаю, почему. Я совершенно не разделяю манеру иных моих коллег лично участвовать в боях; примарх - ценнейшая часть командования и должен быть интеллектуальным и тактическим центром кампании, его место там, откуда он сможет адекватно руководить процессом. Раньше, если я таки появлялся лично на поле боя, это означало, что кто-то совершил настолько идиотскую ошибку, что иначе как моим личным вмешательством ее не поправить. Поэтому если солдаты других Легионов при появлении своего примарха кричат "ура-ура" и подбрасывают в воздух шлемы (рискуя получить снаряд между глаз) - мои скорее начинают тревожиться и предвкушать грандиозную трепку. Но сейчас все немного иначе. Мое предательство я должен осуществить лично, это символическая и структурная необходимость. Плюс к тому, мне просто так хочется, раз в кои-то веки. Поэтому Торамино после боя получит награду, а не наказание - конечно, если мое присутствие и его нервозность не заставят его все-таки натворить глупостей.

Тихонько стрекочет вокс. Я специально настроил его таким образом, чтобы он не издавал привычных пронзительных трелей - сейчас мне очень хочется тишины; эта серая гладь равнины и дальний рокот битвы настолько самостоятельны, что крыть их трезвоном связи кажется почти кошунством. Я сейчас жду вызова только от одного человека, и это именно он. Нажимаю клавишу подбородком, и в ушах у меня раздается негромкий спокойный голос:

- Мы на позиции, сир. Ждем сигнала.

Подымаю глаза к зениту - и вижу, как в вышине - настолько высоко, что не будь я примархом, я бы не разглядел их даже через усиливающий визор шлема - скользят все так же беззвучно огромные угловатые тени. Мои корабли вошли в верхние слои атмосферы и заняли позицию над полем; если артиллерии окажется недостаточно или Торамино все-таки сглупит, в дело вступит бомбардировка. Другой командир счел бы это безумием - работать корабельными орудиями настолько близко от своих; но мои люди умеют наносить удары с воздуха с филигранной точностью. И здесь я им доверяю совершенно; их учил я сам, а там вдобавок распоряжается Форрикс. Он выступает в совершенно непривычной для себя роли; обычно мой Первый как раз находится внизу, в то время как я осуществляю общее командование. Но сейчас-то я здесь. Поэтому он - там. Никогда не понимал, зачем моим коллегам их Первые Капитаны, если они все время таскают их с собой. Мне кажется, что они считают их деталями костюма, без которых неприлично выйти в люди. Или они им недостаточно доверяют, чтобы поручить им то, что не получается сделать самому? Но тогда зачем вообще давать им этот чин? Я доверяю Форриксу, как собственной броне, и именно поэтому мы с ним встречаемся только в перерывах между боями, а когда идет дело, он заменяет меня везде, где примарху нужно раздвоиться.

Время течет чудовищно медленно. Кажется, что я размышляю о кораблях и капитанах не менее минуты, но хронометр не дает себя обмануть – и тридцати секунд не прошло. Каждая минута становится чем-то отдельным, обретает характер и форму, едва ли не вкус и запах. Как бы мне хотелось хотя бы посмотреть на эту равнину собственными глазами, но здесь атмосфера никуда не годится, дышать-то я ей могу, но начну слабеть – слишком много сил потребуется организму на нейтрализацию ядов. Рано. Обещаю себе: после битвы сниму шлем и вдохну этот воздух полной грудью, запомню его вкус, запомню боль, которую он причинит моим легким. Строчка в учебнике: «Пятая планета системы Истваан. Здесь примарх Пертурабо изменил Империи»... О Трон, нет, никто такого не напишет. При имеющемся соотношении сил мы, скорее всего, победим. Поэтому там будет что-то вроде «Здесь великий Гор и его отважные братья, последним и самым ненужным из которых был Пертурабо, которого позвали в дело только потому, что у него самые большие пушки, совершили первый великий шаг к свержению Деспота Галактики»... Бррр. Лучше уж самому что-то написать, пожалуй. Ну да успеется.

Тринадцать с половиной минут. Пока все идет строго по графику. Наблюдающие за приближением Саламандр автоматические дроны исправно регистрируют их продвижение. Люблю пунктуальных врагов. Мне надо сосредоточиться и перестать думать о ерунде. Осталось на самом деле не так-то много тишины, ее нельзя упустить. Мне надо войти в этот момент осознанно, мне надо понимать, что происходит. Мне надо вспомнить. Надо перебрать в голове заново все события этого сумасшедшего, невозможного месяца. И не потерять при этом вот этого хрупчайшего ощущения «я здесь». Моя жизнь опять подходит к концу; с этого поля уйдет совсем другой Пертурабо. Я был Архонтом Локоса, нелюбимым приемным сыном и незаменимым слугой; я был вознесенным Ангелом Империи и рукой Императора; я был хребтом, на котором держалась война, и самым грязным ее мулом. Я был отвергнутым порождением, работником, которого забыли в шахте. Был палачом собственного мира. «Много обличий сменил я, пока не обрел свободу» - так, кажется, начиналась та странная поэма из

додревних времен, которую мне показывал Магнус, давным-давно, под синими небесами на зеленой траве?.. Я был острием меча - поистине это было; я был дождевою каплей, и был я звездным лучом; я книгою был и буквой заглавною в этой книге. Я фонарем светил, разгоняя ночную темень; я простирался мостом над течением рек могучих...

Нет, так не пойдет. Вернись. Соберись. Вспомни.

Свободу он обрел, как же. До свободы еще – как до Терры пешком. И путь к свободе – предательство.

По моим расчетам, это приемлемая цена. Но любой расчет нуждается в перепроверке.

Давай. Вспоминай. Это случилось всего месяц назад.

+++

Имперский мир Олимпия и его орбита.

32 дня по условному галактическому счету до высадки на Исстваане V.

+++

Сегодня утром здесь был город.

На Терре его бы назвали «улей». Подходящее название. Огромный мегаполис, сотни тысяч и миллионы человек; шум и гам, бесконечное движение механизмов и живых существ. Защищенный и возвысившийся мир цивилизации, культуры и прочего, о чем положено говорить.

Потом вернулся человек, который когда-то, жизни и жизни назад, выстроил этот город, точнее - перестроил его, приведя к сияющим стандартам межзвездного человечества. Его Архонт и судья вернулся домой, и узнал, что блистательный Локос, сердце Олимпии, больше не рад видеть своего господина. Теперь города не было. Была гора – чудовищная, до небес – безобразных бесформенных руин, исходящая дымом, адской вонью и ужасом. И ничего живого не было больше здесь и на сотни километров вокруг. Те люди и машины, кто не погиб при штурме, угнаны в трудовые лагеря или брошены в трюмы гигантских кораблей, плывущих с мрачной медлительностью через горящее небо. Локос же выжжен дотла. Города здесь не будет более никогда; мастера смерти с небес позаботились об этом. Развалины облучены жесточайшей радиацией, забросаны колбами с адским набором вирусов и бацилл. Даже у того, кто уничтожил город, не хватит сил и времени снести его с земли совсем и засыпать солью; но технически именно это он и сделал. Жить здесь теперь нельзя.

Человек, совершивший все это, стоит на краю выжженной земли и пустым прозрачным взглядом смотрит на руины. Его лицо открыто. Он втягивает ноздрями смертельную смесь, в которую превратился воздух, и тихо кашляет. Он выглядит так, как будто у него контузия или тяжелейшее гнилое похмелье.

Шорох шагов. Убийца города оборачивается нехотя и неторопливо.

Глен Форрикс, Первый капитан и Триарх, поднимает с земли тяжелый шлем, сброшенный его господином.

- Сир, – говорит он, не глядя примарху в лицо. – Прошу Вас. Заражение скоро станет фатальным. Не вредите себе.

- Да, это разумно, – глухо отвечает Пертурабо, надевая шлем. Для этого ему сперва приходится вытряхнуть из него насыпавшийся пепел, и края шлема при стыковке мерзко скрипят по горжету.

- Вы нашли его? – спрашивает он, чуть погодя. – Я приказывал его найти. Он должен быть жив.

- Так точно, сир. Я как раз прибыл, чтоб Вам доложить. Лорд Даммекос найден. Он пытался бежать через море на личной яхте, но один из наших штурмовиков в патрульном облете его засек.

- Имя пилота?

- Кроагер, сир. Сержант Нильс Кроагер, из штурмовой бригады Харкора.

- Сержанту – наградной штифт, – неохотно шевеля губами, говорит примарх. – Это ведь тот, с тюремного мира, твой любимец? Повезло.

- У меня нет любимцев, сир, – бесстрастно отвечает Форрикс. – Что делать с пленником?

- Доставить на флагман. Немедленно. Армейскую охрану к нему не допускать, сторожить нашими силами. Я прибуду, чтобы лично допросить его. Вскоре.

Пертурабо отворачивается и продолжает смотреть на руины. Первый Капитан переминается с ноги на ногу, но не уходит. Примерно через минуту примарх раздраженно полуоборачивается к нему:

- Что еще?..

- Сир, поступили сообщения из Аркоса, Квиринеи, Зенохиады и Медона. Все эти города капитулируют. Квиринея и Медон выдали нам главарей бунта живыми, в остальных местах, я так понимаю, они убиты горожанами. Я прошу разрешения на высылку парламентаров и временной администрации для повторного принятия городов в Согласие.

Теперь примарх оборачивается всем корпусом. Медленно. Форрикс непонимающе склоняет голову, когда Пертурабо шагает к нему и кладет ему руку на наплечник.

- Капитан, – почти вкрадчивым тоном говорит Железный Владыка. – О чем ты вообще говоришь? Ты слышал, что я сказал в начале высадки?

Форрикс не сразу соображает, что это не риторический вопрос.

- Слышал, сир! – торопливо произносит он, когда повисшая тишина становится уже слегка пугающей. – Так точно, сир!

- И что я сказал?

- Вы... объявили этот мир Экскоммуницированным... – говорит Форрикс и осекается.

Пертурабо удовлетворенно кивает.

- Вот именно, Капитан. Не город. *Мир*. Никакого Согласия здесь быть уже не может. Отдай приказ об эвакуации жителей из городов. Дай им двое суток. Пусть Харкор соберет их в концентрационных пунктах, а Фальк подготовит корабли. Потом города должны быть уничтожены. Ты понял меня?..

- Так точно, сир, – неинтонированно говорит Форрикс.

Пертурабо молчит несколько секунд, потом качает головой:

- Радиационную и вирусную обработку разрешаю не проводить. Те места и правда не заслужили такого. Эта вина – и эта казнь – только для Локоса. Когда мы вернемся в имперское пространство, я подам запрос о реколониации.

- Реколониации, сир, – Форриксу удается проглотить вопросительную интонацию.

- Придут другие люди – тяжелым, упавшим вниз голосом говорит примарх. – Построят другие города. Дадут этому миру другое имя. Но перед Троном и Террой Олимпии больше нет.

Он отворачивается. В последний раз смотрит на бывший Локос.

- И не должно было быть! – голос примарха внезапно становится скрежещущим, хриплым. – Это случайность, Капитан, что я оказался здесь. Случайность. Флюктуация. Больше мы ничего не должны этому миру. Его нельзя простить. Ему нельзя верить. Ты понимаешь меня? Никому из олимпийцев, ни одному из них нельзя верить! Никому, – он опускает руки на пояс, сжимает кулаки на несколько мгновений. Умолкает.

Форрикс стоит, мрачно набычившись, пригнув голову в шлеме. Даже в своей терминаторской броне он все равно ниже примарха на полторы головы. Его вокс потрескивает несколько секунд, прежде чем он решается снова заговорить. Но голос у него все так же ровен и бесстрастен.

- Тогда я должен передать триархам Дантиоху и Голгу, чтобы они готовились передать командование? Кого бы Вы хотели видеть на их месте?

Откуда-то из глубины доспехов примарха рождается низкий рокот, похожий на звук разогревающегося двигателя танка.

- Капитан. Ты сегодня *очень* странно соображаешь. Почему я должен их менять? Ни тот, ни другой пока что передо мной ни в чем не провинились. И свой срок в Трезубце они еще не отходили.

- В отличие от меня, – угрюмо говорит Форрикс.

- Нет, тебя я менять не буду. Я пока не вижу никого, равного по эффективности. Пока. Если ты не продолжишь задавать безумные вопросы. Так что, по-твоему, не так с Дантиохом и Голгом?

- Они оба – олимпийцы, сир. А Вы только что сказали, что...

Рокот усиливается и становится еще ниже. Форрикс чувствует, как на него словно бы сам воздух начинает давить с утроенной силой.

- Ты. Говоришь. Глупости. Не разочаровывай меня, Капитан. Они – *не олимпийцы*. С тех пор, как они получили наше геносемя и дали присягу, они – Железные Воины Четвертого Легиона. Ты понял меня? Они были с нами и сражались вместе с нами, они изменились вместе с нами. В отличие от... - он поднимает глаза к смраднему, задымленному небу, в котором сгорают тысячи жизней Локоса. – В отличие от... *этих*. В особенности теперь, когда – как я уже *сказал* – Олимпии больше нет. Ты понял?

Форрикс медленно кивает.

- Ты понял?! – чуть громче переспрашивает примарх.

- Так точно. Сир.

- Тогда... приказы ты слышал. Исполнять! Железо снаружи!

- Железо внутри, сир, – говорит Форрикс, разворачивается и топает прочь по разбитому в хлам и крошево рокриту, а с неба начинает неспешно накрапывать почти непрозрачный, буро-ржавый дождь.

Под этим дождем Пертурабо стоит еще около двадцати минут. Потом передергивает плечами, поправляет шлем и уходит к посадочной площадке, где его поджидает командирский шаттл.

Локос догорает, и некому больше жалеть о нем.

Они встречаются в одной из непримечательных кают на флагманской барже. Пертурабо снял броню впервые за несколько дней; слегка отросшие волосы на его круглой, лобастой голове топорщатся вокруг утопленных в черепе нейропортов. На нем стандартная имперская тога с ярко-пурпурной каймой.

Даммекос, некогда Лорд-Наместник Олимпии, еще раньше – Тиран и Архонт свободного

города Локос, а ныне – бесправный пленник, вождь провалившегося восстания, стоит перед своим бывшим приемным сыном, а ныне – судьей, и пытается не видеть его глаз.

Он чудовищно стар. Двести лет – огромный срок даже по меркам имперского здравоохранения. Он – развалина, полутруп. За него ходит и движется экзоскелет, за него дышат искусственные легкие, он глядит на мир через матово-желтые окуляры глазных имплантов. Пертурабо не может сопоставить остатки его лица – белые, бескровные губы, подбородок и щеки в морщинистой коже – с тем зрелым, сильным, надменным, полным энергии и алчности человеком, которого он звал когда-то своим отцом и господином. Тем более что сам-то он с тех пор не изменился толком, разве что внутри.

Даммекос хрипит. С трудом шевелит губами. Вздыхает. Он явно пытается сказать что-то сам, но у него не выходит, и он, еще раз вздохнув, активирует на своем экзоскелете вокс-систему. Голос, синтезированный воксом, сразу заставляет Пертурабо вздрогнуть и поморщиться: конечно же, это тот самый голос, не станет же этот гордец программировать себе имитацию старческого бормотания. Но сами слова примарха разочаровывают. Право, старина, мог придумать что-нибудь и потоньше.

- С возвращением, сын мой – говорит голос Даммекоса. – Добро пожаловать домой.

- Давай мы это пропустим, ладно? – устало просит Пертурабо. – Все эти попытки напомнить о наших связях, жалкие потуги меня уязвить, гордость и предубеждение... Ты отлично знаешь, что я тебя никогда никаким отцом не считал, а уж теперь-то... Не унижай без нужды ни себя, ни эту почтенную аугментику.

- И ты хочешь сказать, – спрашивает Даммекос, – что ты позвал меня сюда не затем, чтобы унижить меня?

Пертурабо переходит с имперского готика на олимпийский.

- Боги очага и горы достаточно тебя унизили, архонт, умереть не дав в положенный срок. Мне до твоей спеси нет уже дела. Одно лишь скажи, Даммекос: зачем?

- Что «зачем»? – Даммекос принципиально, судя по всему, продолжает говорить на готике. – Зачем я не умер? Чтобы дожить до нашей встречи. Плунуть тебе в лицо вот только уже не могу, слюны не найдется в нужном количестве, подонок.

- О, - Пертурабо уныло закатывает глаза. – Вторая часть востроянского балета: теперь ты начнешь меня оскорблять, чтоб я не выдержал и пришиб тебя. Отлично. Я тебе кто, Ангрон? Хотя ты и не знаешь небось, кто это такой...

- Знаю, – губы Даммекоса кривятся в подобии улыбки. – Все это время я изучал Империиум так усердно, как мог. Даже на Терре побывал, представь себе.

- Такой ты молодец, – хмыкает Пертурабо. – И что? Неужто того, что ты увидел, оказалось недостаточно, чтобы понять, что твое дурацкое восстание обречено? Маразматик проклятый! Где ты – а где Империиум?

Улыбка таки выползает, растопыривается, растягивается по даммековскому лицу.

- Сказал бы я, где ваш Империиум!.. Точнее, где он окажется вскорости...

- Ты о чем? – Пертурабо впервые за весь этот разговор чувствует удивление. – И правда из ума, что ли, выжил?

Даммекос наводит свои окуляры на лицо собеседника. Какое-то время щелкает и жужжит диафрагмами.

- Да уж, – сухо констатирует он наконец. – Как был ты доверчивым дураком без толики интуиции, так и остался. Так и клепаешь ведь пушечки, да? Как на меня клепал, так и на него. Вообще не вырос.

Он потирает горло кончиками узловатых пальцев.

- Вы откусили больше, чем можете проглотить, – искусственный голос молодого Даммекоса звучит бессмысленно бодро, спокойно, как будто речь читает перед покорным народом на агоре. – Вы размазались по таким пространствам, что даже ваших технологий уже недостаточно, чтобы их охватить. Вы научили дикарей всему, что знали, а вот проверить, как они пользуются вашими дарами, уже не можете. Даже при *нем* это происходило, а теперь-то, когда во главе всей вашей шайки один из вас, безмозглых мутантов... Сколько миров захватил твой Гор? А сколько пришлось усмирять по новой? А на скольких планетах за последние лет сорок не побывало даже десятка ревизоров с Терры? Ваш Поход – самоубийственное безумие, война ради войны. А нам-то еще повезло: за нас вдобавок и отвечал самый безразличный, самый тупой, самый блажененький из всей мутантской когорты. Который позволил разбросать свой Легион по всей ойкумене. Который ни разу за двести лет не дал себе труда задержаться на родном-то мире, посмотреть, как тут люди живут, чего хотят, о чем думают. Это не я поднял восстание, Пертурабо, сыночек. Это *ты* его поднял. *Ты* его организовал, вдохновил его – своим бездарным бездействием и страхом перед живыми людьми.

Воксу не надо переводить дух, но Даммекос все-таки замолкает ненадолго. Судя по всему, ждет удара.

Но Пертурабо не бьет. Он просто смотрит. Смотрит не в глаза и не на решетку вокса – смотрит на губы Даммекоса, которые корчатся беззвучно, словно эпилептические черви.

И бывший Тиран и Архонт говорит – уже гораздо тише:

- Но я тебя недооценил все-таки. Не понял, что это на какие-нибудь хорошие вещи у тебя ни духу, ни силы нет, а убивать ты пока еще можешь. И не подумал, что ты такой проклятый маньяк, что обрушишься не только на Локос, а и на всю планету. Я оставил им приказ, чтоб если столица падет, они сдавались... но ты же *мефалесом* поиметый чокнутый зверь. Этого я не учел. Этому я тебя не учил.

- А Локоса тебе было не жалко? – задумчиво спрашивает Пертурабо.

Рот Даммекоса раскрывается широко и страшно, щерятся яростно беззубые десны.

- Локос – мой! *Мой!* Каждый человек там был готов умереть за меня! Они под моими цветами и под моей волей, они молятся моему *дайминию!* Они *счастливы* были за меня умереть! Ты и не узнаешь такого никогда, трусливый, стылый, снулый выродок!..

- Все, – Пертурабо подымает руку. Даммекос брызжет словами еще некоторое время, но примарх отворачивается от него и невозмутимо смотрит в панорамный экран на стене.

Когда Даммекос замолкает, Пертурабо нажимает клавишу вызова у края стола. За открывшейся дверью – дежурный скаут.

Примарх кивает ему на пленника.

- К техножрецам. Аугментику снять, очистить, отдать в переработку. Органику можете выкинуть в шлюз, а можете просто бросить в трюме - само задохнется. Выполнять.

Скаут - здоровенный рыжий парень неясных кровей - небрежно подхватывает Даммекоса поперек, блокируя веснушчатой лапицей движения оплетенных тонкими металлическими стержнями рук. Пленник закатывает глаза, из вокса рвется крик:

- ПЕРТУРАБО!! Пертурабо, ад тебя заведи!! Ты боишься меня! Я все еще твой отец!! Ты боишься тронуть меня!! Я все еще больше тебя! Старше! СИЛЬНЕЕ ТЕБЯ!!! Ты боишься меня даже *ТРОНУТЬ!!*

Примарх резко шагает к нему. Заносит руку.

Даммекос конвульсивно - почти экстатически - дергается в своем экзоскелете.

Пертурабо протягивает руку - и аккуратно, почти нежно касается кончиком пальца его щеки.

И улыбается краешками губ.

- Глупый старик, - говорит он негромко. - Бедный, глупый старик. Постарайся, пожалуйста, умереть поскорее: это в твоих интересах. Прощай.

+++

Истваан V, зона высадки

+++

Осталось десять минут с четвертью, плюс-минус пятнадцать секунд.

Титаны медленно начинают выдвигаться вперед; им для работы нужно пространство. Не знаю, о чем думают сейчас их команды. Они союзники, а не легионеры; для них вся драма

братоубийства совершенно незначима. Они были *созданы* для братоубийства, в конце-то концов. В отличие от большинства тех, кто почему-то считается примархом, я немного знаю историю. И знаю, как в древние времена марсианские кланы технопоклонников рвали друг другу глотки за источники руды и благословенной энергии, как богомашины сходились в адских дуэлях среди ржавых равнин. Потом пришел Император, и одним решением прекратил все распри, даже думать не желая об их причинах. Как он и делал всегда. Никогда не задумывался раньше, как странно звучит наша привычная формулировка «Приведение к Согласию». Что-то вроде «приведения к единому знаменателю», на самом деле. Но ведь мы - агрессивные обезьяны, нам *нравится* драться между собой. Олимпия продемонстрировала мне это во всей полноте.

Хуже, чем тогда, мне, наверное, не было ни разу за всю мою жизнь. Когда я сейчас пытаюсь хоть что-то вспомнить из тех дней после падения Локоса – все распадается на какие-то фрагменты, осколки; мой разум способен достроить остальное, но я прекрасно понимаю, что это именно достройка, заполнение пробелов. Я явно провел какое-то время просто в нигде. Не знаю, что при этом я делал физически. Возможно, даже что-то осмысленное; там было много сложной логистики, а за годы Похода логистика превратилась у меня в своего рода инстинкт.

Что я собирался делать? На самом деле, скорее всего - отправляться на Терру. Я должен был предстать перед Троном лично - чтобы лично свидетельствовать о своих делах. Я понимал, что сделанное мной, скорее всего, вызовет бурю недовольства - особенно когда я запрошу у Департаментов выделить колонистов. И, самое главное, я даже не предполагал, что Император может меня понять. Перед легионерами я держал лицо, конечно, но вообще-то я экскоммуницировал имперский мир по собственной инициативе, и самостоятельно же его зачистил; не представляю себе, чтобы такое было дозволено кому-то, кто не обладает полномочиями Магистра Войны. Я ожидал многого: снятия с поста, лишения права командования, ареста, ссылки... если возможно вообще арестовать или сослать примарха. Был хоть один такой прецедент, или нам полагается за любое преступление сразу казнь? Про Магнуса и Просперо я тогда еще не знал, конечно. Я вообще узнал об этом слишком поздно, будь я проклят за это до края всех возможных времен и состояний всеми возможными образами; впрочем, возможно, уже.

Если бы я знал, то, скорее всего, я предал бы Императора гораздо раньше. И эффективнее. Эта картинка сейчас выжжена у меня по внутренней поверхности черепа, она мне снится, она проглатывает меня среди бодрствования; я каждый раз яростно отшвыриваю ее, пытаюсь вынырнуть, но она возвращается снова и снова. Я вижу Тизку, магнусову золотую столицу, в огне, ее хрустальные шпили, гнущиеся и рушащиеся от нестерпимого жара; я вижу, как последние из Тысячи Сынов держат оборону на подступах к Атенеуму, как рвутся вокс-сети от последних отчаянных приказов; я вижу, как Русс и его мордатые ублюдки собираются с силами для атаки; впрочем, они довольны, они побеждают. И тут варп вокруг планеты вскрывается тысячью вихрей. И мои корабли выходят на свет. И Форрикс ждет моего сигнала. И я даю сигнал, и тысячи торпед, ракет, импульсов рвутся из раскаленных жерл, и я сметаю с орбиты руссовы жестянки, со всеми их моржовыми бивнями и тюленьими шкурами вместо обшивки. А потом мы десантируемся им на головы, а они и не знают, что делать и кем нас считать. Они беспомощны и обречены. Где-то в финале этой истории Леман Русс стоит у меня за плечом на командном мостике моего флагмана и ждет приказаний, ноги у него заменены

на мультишасси, из груди торчит столик для кофе, а в голову ему вбит сервиторный контрольный блок. Это он за левым плечом у меня стоит, а за правым - в такой же позе - Рогал Дорн, конечно же. А Магнус сидит в бархатном кресле с каббалистической резьбой, смеется и пьет багряное просперское вино, и всем хорошо, и все на своем месте и занимаются своим делом.

Два в Галактике было примарха, которых я был плюс-минус готов считать, условно говоря - если не буквально, то эмоционально - ну да, *братьями*, и обоих...

Нет. Не обоих. Второй раз я успел. Успеваю, то есть. Вот прямо сейчас и успеваю.

Тогда ведь, когда я вылез из странной этой ямы беспамьяства, и начал задумываться над своим положением - все астропаты флота уже принимали сигнал, один, ясный и мощный. Приказы с Терры, подписанные именем Императора - но не от него исходящие.

И там было такое, что подняло бы меня и со смертного ложа, доведись мне на нем лежать.

Тогда впервые и прозвучали эти слова - "предать Императора". Но они еще не имели ко мне никакого прямого отношения.

+++

Четыре дня пути в реальном пространстве от Олимпии 28 дней по условному галактическому счету до высадки на Истваане V

+++

ВСЕМ ЛЕГИОНАМ, ВСЕМ ПРИМАРХАМ. ВСЕМ, КТО ПОЛУЧАЕТ ЭТО СООБЩЕНИЕ.

ПО ПОЛУЧЕНИИ СООБЩЕНИЯ НЕМЕДЛЕННО, ПОДТВЕРДИВ ПОЛУЧЕНИЕ, НАПРАВЛЯТЬСЯ В СИСТЕМУ ИСТВААНА, ГАЛАКТИЧЕСКИЙ СЕКТОР III-бис, 16-24-AZ-1826. ВСЕ ПРЕДЫДУЩИЕ ПРИКАЗЫ ОТМЕНЯЮТСЯ. ИСПОЛНЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ ДОЛЖНО БЫТЬ ПОЛНОСТЬЮ ПРЕРВАНО, НЕВЗИРАЯ НА ПОСЛЕДСТВИЯ.

ЗАДАНИЕ КАТЕГОРИИ "EXTREMIS ULTIMA". УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ ДЛЯ АСТАРТЕС "MAGNA". УРОВЕНЬ СЕКРЕТНОСТИ ДЛЯ СМЕРТНЫХ "VERMILION ULTIMA SUPERIOR".

БЫВШИЙ МАГИСТР ВОЙНЫ ГОР ПРЕДАЛ ИМПЕРАТОРА И ВОССТАЛ ПРОТИВ ИМПЕРИУМА. ПОВТОРЯЮ: ГОР, ПРИМАРХ XVI ЛЕГИОНА "СЫНЫ ГОРА", РАНЕЕ "ВОЛКИ ЛУНЫ", ПРЕДАЛ ИМПЕРАТОРА И ВОССТАЛ ПРОТИВ ИМПЕРИУМА. ВСЕ ПРИКАЗЫ БЫВШЕГО МАГИСТРА ВОЙНЫ СЧИТАЮТСЯ АННУЛИРОВАННЫМИ, ВСЕ ДОПУСКИ БЫВШЕГО МАГИСТРА ВОЙНЫ СЧИТАЮТСЯ АННУЛИРОВАННЫМИ.

ГОР, БЫВШИЙ МАГИСТР ВОЙНЫ И ПРИМАРХ XVI ЛЕГИОНА, ОБЪЯВЛЕН EXCOMMUNICATUS PRODITOR. ОН И ЕГО ЛЕГИОН ПОДЛЕЖАТ ПОЛНОМУ И БЕЗОГОВОРОЧНОМУ УНИЧТОЖЕНИЮ. ВЫПОЛНЕНИЕ ЭТОГО ПРИКАЗА ЯВЛЯЕТСЯ ОБЯЗАННОСТЬЮ ДЛЯ ЛЮБОГО ВЕРНОГО ПРИМАРХА И ЛЕГИОНА. ОТКАЗ ОТ

ВЫПОЛНЕНИЯ ЭТОГО ПРИКАЗА ЯВЛЯЕТСЯ ПРИЧИНОЙ ПРИЧИСЛЕНИЯ К ПРЕДАТЕЛЯМ. ЛЮБОЙ ОТКАЗАВШИЙСЯ ВЫПОЛНИТЬ ПРИКАЗ ПОДПАДАЕТ ПОД ТОТ ЖЕ ПРИГОВОР.

НАРЯДУ С ГОРОМ И ЕГО ЛЕГИОНОМ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ EXCOMMUNICATUS PRODITOR И ПОДЛЕЖАТ УНИЧТОЖЕНИЮ ЕГО СОЮЗНИКИ, ПРИСОЕДИНИВШИЕСЯ К МЯТЕЖУ:

ПРИНЦЕПСЫ И КОМАНДЫ ТИТАНОВ ЛЕГИО МОРТИС, АУДАКС И СЕРЕНУС АРМЕЙСКИЕ ПОЛКИ ЧИСЛОМ ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТЬ, ПЕРЕЧЕНЬ В ПРИЛОЖЕНИИ АНГРОН, ПРИМАРХ XII ЛЕГИОНА "ПОЖИРАТЕЛИ МИРОВ", И ЕГО ЛЕГИОН МОРТАРИОН, ПРИМАРХ XIV ЛЕГИОНА "ГВАРДИЯ СМЕРТИ", И ЕГО ЛЕГИОН ФУЛГРИМ, ПРИМАРХ III ЛЕГИОНА "ДЕТИ ИМПЕРАТОРА", И ЕГО ЛЕГИОН

ОТ ЛИЦА ИМПЕРАТОРА И КОНСУЛЬСКОГО СОВЕТА ТЕРРЫ ПОДПИСАНО:

*РОГАЛ ДОРН, ВЫСШИЙ ПРЕТОРИАНЕЦ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИН ВАЛЬДОР, ГЛАВА КУСТОДИАНСКОЙ ГВАРДИИ ИМПЕРАТОРА
(I) МАЛКАДОР СИГИЛЛИТ (I), ЛОРД-РЕГЕНТ ТЕРРЫ И МАЙОРДОМ ИМПЕРАТОРА*

ВО ИМЯ ИМПЕРСКОЙ ИСТИНЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

ПРИМЕЧАНИЕ. ВСЕ ВЗЫСКАНИЯ И ШТРАФНЫЕ САНКЦИИ, НАЛОЖЕННЫЕ ПО ЛЮБОЙ ПРИЧИНЕ НА ЛЮБОЙ ЛЕГИОН И ЛЮБОЕ АРМЕЙСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ, В СЛУЧАЕ УСПЕШНОГО ВЫПОЛНЕНИЯ ПРИКАЗА СЧИТАЮТСЯ ПОЛНОСТЬЮ АННУЛИРОВАННЫМИ. ПОДТВЕРЖДЕНО: (I) СИГИЛЛИТ (I)

- Этого не может быть! - говорит Дантиох. Его руки отчетливо дрожат. Вообще-то он в принципе не очень владеет собственным телом - последствия страшных увечий, полученных в хрудской кампании. Но на этот раз дело явно не в ранах.

- Не может, - угрюмо выдвигает челюсть плечистый здоровяк Голг.

- Вы представляете себе, в скольких местах сейчас самые разные люди говорят то же самое? - Пертурабо устало потирает ладонью лоб. Примарх впервые за несколько дней призывает к себе полный Трезубец: дело явно требует согласия и общего решения. - Я проверил сообщение всеми доступными мне способами. Все верно. Место отправления - Терра. Психическая печать Сигиллита подлинная - с этим согласен весь астропатический отдел.

Форрикс молчит. Он участвовал в проверке, ему сказать тут нечего.

- А где печать самого Императора? - недоуменно спрашивает Голг. - Почему такое важное сообщение не подписано им самим?

- Как ты думаешь, я знаю больше твоего? - Пертурабо откидывается на спинку командного трона.

- Нет, сир, - удрученно бормочет триарх.

- Тогда не задавай, пожалуйста, больше дурацких вопросов. Я не знаю, чем занят Император и что с ним вообще. Он мне, знаешь ли, не докладывался никогда.

- Какие будут приказания, сир? - Дантиох медленно, прихрамывая, выступает вперед. - Я могу начать готовить корабли...

- Да, начинай. Дайте подтверждение - и начинай, - кивает примарх. - И еще. Сообщите мне в ближайшее время, подтвердил ли кто-то еще сообщение. Я хочу знать, с кем нам предстоит... работать вместе.

Форрикс медленно перечитывает буквы, скользящие снова и снова по экрану. Нет, ничего не меняется, все имена остались теми же. Он, в отличие от, вероятно, многих, не чувствует себя удивленным. Оглушенным, опустошенным каким-то - но не удивленным. Он знает чуть-чуть больше, чем другие, и что-то мог предполагать – хотя и совершенно не ожидал, конечно, *такого* события. Но еще на него каждый раз при повторе сообщения буквально кидаются строчки примечания. "Все взыскания и штрафные санкции..." Уж если актуальные наказания они с перепугу готовы отменить, эти трое на Терре, за каким-то фрагом решающие за Императора - то тем более теряют силу наказания *еще не наложенные*. Например, за уничтожение собственного базового мира без приказа сверху. Поэтому еще одна эмоция, совершенно неуместная, владеет сейчас Первым Капитаном - и это *облегчение*. Все могло бы повернуться совсем иначе, но сейчас кто-то другой совершил большущую ошибку, а мы оказались совершенно в этом не замешаны. Кто-то погибнет, а мы получим полное прощение и карт-бланш. Как хорошо, что это не мы сейчас на Истваане...

- Какого варпа я сейчас не на Истваане - негромко говорит примарх. Форрикс вскидывает голову - и понимает, что остался в командном зале из триархов один, остальные двое пошли выполнять, а он вот задумался... Примарх смотрит прямо на него, но, паче чаяния, никакого гнева у него на лице нет. Есть какая-то... тоска, что ли?.. и огромное, тяжелое недоумение.

Форрикс чувствует, что какие-то правила сейчас могут и не сработать, и решается задать вопрос:

- Отчего вы так говорите, сир?

Пертурабо словно бы только что его замечает. Несколько секунд он молчит, поджав губы, потом с трудом говорит:

- Я бы мог что-то сделать. Мог бы... отговорить его. Как-то прояснить... Не на пустом же месте все это. Император его очень любил... доверял ему многое. Из-за чего-то же с ним это должно было случиться...

- Я тоже совершенно не понимаю, зачем Гор это сделал, сир, - огорченно говорит Форрикс. - Это какое-то безу... - и осекается. Пертурабо явно сильно ошарашен.

- Гор? Ах, Гор. Не-ет, с Гором-то все понятно. Да и какое мне до него дело? Я о Фулгриме говорю, проклятие! О Фул-гри-ме. Он же Палатин Императора, аквилоносец, у него все было, он всем был. Зачем?.. Ангрон животное, Гор всегда хотел только власти и

ничего, кроме власти, Мортарион верен Магистру Войны, как собака. Но Феникс... Неужели ради их дурацкого приятельства, меряния трофеями?.. - примарх медленно встает с трона. - Капитан, постарайтесь тщательно выяснить - повторяю - тщательно, кто еще получил послание и примет участие в экспедиции.

- Вы уже отдавали этот приказ, сир - кланяется Форрикс. - Так точно и непременно. Я узнаю.

Форрикс даже не пытается спросить - зачем.

Астропаты Железных Воинов, может быть, самое привилегированное сообщество смертных на кораблях Легиона. Их апартаменты расположены в отдельной башне на хребте флагмана, и обставлены с необычным комфортом; по крайней мере, Форрикс не видел такого почти нигде в других флотилиях. Пертурабо в свое время выразился вполне четко: астропаты – это связь и контакт с миром там, где никакое техническое устройство не поможет; они – одна из основ эффективности Легиона, поэтому держать их в кельях и морить аскезой по меньшей мере идиотизм, а по большей – бесполезность. Слова же страшнее, чем «бесполезность», в Четвертом не было.

Поэтому ли, по чему ли другому, но астропаты на Железном Флагмане (по итогам устоялось-таки название, и Форриксу очень нравилось) работали как часы. Не подвели они Первого Капитана и сейчас, и уже через полтора дня он идет с докладом к примарху.

Пертурабо словно и не вставал все это время с командного трона. Но теперь в воздухе вокруг него вертятся какие-то сложнейшие голографические таблицы; он крутит их туда и сюда, не двигая даже пальцем – он подрублен к центральному когитатору через нейропорт, и бедная машина гудит от адской перегрузки. Почувствовав через ту же машину приближение Капитана, он торопливо сворачивает голограммы – как будто Форрикс застал его за чем-то неправильным.

Примарх традиционно краток:

- Ну?

- Сигнал о подтверждении перехвачен от нескольких флотилий – вытянувшись, докладывает Форрикс. – На Истваан идут Железные Руки...

- Хмм – морщится примарх. – Приемлемо.

- Саламандры...

- Незначимо.

- Гвардия Ворона и Повелители Ночи...

- *Вместе?* О Трон. Ладно, эти будут заняты ненавистью друг к другу.

- ...и Несущие Слово.

- О ТРОН! – кулак примарха внезапно с грохотом разносит подлокотник кресла. Форрикс не шарахается и *никак* не выдает волнения.

Пертурабо резко встает:

- Эти проклятые фанатики, – голос у него снова ровный, но рука сжимается и разжимается спазматично. – Ты уверен?

- Совершенно, сир. Их огромный флот, по словам госпожи Регента Хора, «ревет в варпе, как тысяча течных слонов», конец цитаты. И они совершенно определенно идут к Истваану. Половина астропатических передач содержит образ этого мира.

Пертурабо разворачивается к Форриксу спиной.

- Значит, всё, – немного невнятно говорит он.

Капитан решает вопросительно хмыкнуть.

- Всё, он мертвец, – уже громче говорит Пертурабо. – Я бы уговорил Ферруса взять его в плен вместо убийства – они ведь дружили, Феникс что-то находил в этой аугментированной горилле... Курцу и Кораксу будет не до него, у них будет гонка – кто раньше допрыгает до Гора. Но Несущие!.. Эти варповы психи будут убивать, и будут делать это идейно, знаешь ли, ритуально. И вот уж кто верен Императору, так верен, что самого Императора тошнит.

Он надолго замолкает. Потом угрюмо выдергивает кабель из нейропорта. Форрикс облегченно вздыхает – все это время он боялся, что мечущийся туда-сюда примарх его оборвет; Пертурабо в тяжелые минуты бывает удивительно невнимателен к своей телесной оболочке.

- Готовь корабли.

- Но, сир, – негромко говорит Капитан. – Сир... мы могли бы не подтверждать сообщение.

- А мы еще не?..

Форрикс слегка жмурится.

- Э-э... нет, сир. Астропаты были заняты Вашим заданием по ловле сигналов.

Кроме этого, Форрикс не торопился; он предполагал, что возникнут... сложности. Но этого он примарху не скажет, конечно, даже если из него все наградные штифты вырвут с мясом.

Пертурабо качает головой:

- Это было бы глупо, – невыразительным тоном говорит он. – Ты не хуже меня знаешь, что нам сейчас *нужна* императорская амнистия. Ну, то есть малкадорская, но это сейчас неважно... И если там Лоргар и его храмовники... то дело решено так или иначе, с нами или без нас. Подтверди получение приказа. Кораблям – старт.

+++

Истваан V, зона высадки

+++

Восемь минут.

Все идет отлично. Мои опасения, что в моем непосредственном присутствии люди станут работать хуже, не подтвердились. Сорок секунд назад доложились бригады землекопов – траншеи готовы. Это была та еще задача – соорудить систему окопов за полтора часа, прошедшие с момента десантирования; но мой Легион – это мой Легион. Самое замечательное, что никто из моих коллег, участвовавших в высадке вместе со мной, даже не усомнился, что: а) земляными работами будем заниматься мы; б) мы это успеем точно в срок. Хотя... может, оно и к лучшему. Я бы хотел сказать что-то вроде «представляю себе, какие окопы нарыл бы Курц», но нет, в том-то и дело, что *не* представляю, и представлять не хочу. А Несущие?.. Редут в виде символа веры, для пущей благословенности?.. Нет уж, лопата – инструмент тонкий, требующий вежливого обращения, не для всяких там измозоленных молитвенными барабанами ладошек.

Но так или иначе, мы успели. Можно начинать последнюю фазу развертывания. Мою любимую, честно говоря.

Я передаю короткий кодовый импульс через нейросистему брони. Жду несколько мгновений. Потом земля вздрагивает от слитной ритмичной поступи.

Они проходят между пушками Торамино, двигаясь идеально слаженно - сейчас они все подключены к единой инфосфере и буквально ощущают движение друг друга. Астартес передового заграждения быстро расступаются перед ними, и салютуют, прижав болтеры к груди. Они идут вперед, чеканя тяжелый шаг - впрочем, иначе ходить они уже и не умеют. Они выходят на позицию и замирают недвижно, одновременно остановившись и приподняв в боевую позицию тяжелые орудийные руки; и стоят в великолепном пугающем безмолвии, огромные, угловатые, окрашенные в черно-желтый. Не движутся системы наведения, ни огонька не видно в щелях визоров - они не привыкли тратить силы и внимание зря.

Железные Воины в собственном смысле этого слова; несколько сотен дредноутов модели "Кастраферрум-плюс". Мои Дециманты.

Я неторопливо прохожу мимо строя, ловя себя на том, что - как всегда - в их присутствии начинаю сам двигаться медленнее и ровнее. Они успокаивают меня одним своим видом - столько надежности и подлинности в каждой их детали. Крайний слева дредноут - с лицевой панелью, декорированной в виде железного черепа - мигает зеленоватым код-

портом.

<Дано: приказы получены. Готовность 98,2. Запрос команды>

<Режим команды. Если: начало артподготовки, то: открывать огонь. Далее: действия по обстоятельствам> - передаю я, и не удерживаюсь, добавляю голосом:

- Железо снаружи, Лангрем.

<Локация: внутреннее пространство, содержимое: железо> - передает он.

А ведь какой был бестолковый во плоти, а?

Я знаю, как относятся к моим дредноутам другие примархи. Даже Феррус, хотя вот уж казалось бы кто на всю ойкумену орет про "слабую плоть"? Я знаю, какие сплетни про меня ходят среди смертных. Нет, если бы я придерживался стандартных правил и технических решений, то отправить в корпус дредноута каждого десятого из Легиона первого созыва и правда было бы странной идеей. Но мои Неспящие улучшены лично мной. Это оказалось так просто - достроить искусственные нервы, организовать режим биохимической поддержки... стоило мне только *взглянуть* на схему стандартного дредноута, и решение показалось очевидным. Я не понимаю, почему никто в Легионах не попробовал сделать того же самого, а вместо этого пользовался ранней марсианской конструкцией, устаревшей на пару веков. Мои дредноуты не нуждаются в многодневном отключении, они способны ощущать мир вокруг себя и могут продолжать действовать месяцы подряд; поэтому и было проведено то, что потом прозвали Децимацией. Первых действительно пришлось выбирать из проштрафившихся; потом это стало наградой.

Я предлагал свою технологию некоторым другим, но их техники не сумели ее повторить. Почему я не удивлен.

Но так или иначе, *теперь* мы *по-настоящему* готовы. Я понимаю, что принятые мной меры кажутся избыточными. Я понимаю, что тот же Лоргар или Мортарион какой-нибудь могут счесть меня трусом. Но мне плевать. Я гарантированно уничтожу врага, не потеряв ни одного лишнего солдата. Каждый из них понадобится мне позже, когда мы выйдем на орбиту Терры.

Я смотрю на запад. Там за грядой холмов садится тусклое и маленькое солнце. Колышется на ветру разлапистый, ворсистый лишайник, покрывающий толстым слоем пологие склоны.

Скоро я увижу противника прямо перед собой.

Фулгрим и его люди по ту сторону, изображают последний отчаянный бой. Я очень надеюсь, что он уцелеет. Было бы космической, вселенской глупостью проделать все, что я проделал, ради его дурацкого трупа. Но я в него верю: выкручиваться он всегда умел превосходно.

Они всегда удивлялись, эти вот все. Никогда не могли понять, что же связывает нас

троих. Точнее, меня с ними обоими; между собой-то они никогда особенно не дружили. Магнус, надменный и высокопарный интеллектуал, мастер-психир, ученый и эстет; Фулгрим в его вечно разукрашенной броне, со змеиными глазами и голосом певчей птицы, любитель роскоши и славы. И я.

Но они ведь никогда не знали ни меня, ни Магнуса, ни Фулгрима. Магнусу было со мной интересно. Когда меня только представили ему – *всучили* ему, называя вещи своими именами – он, по-моему, совершенно серьезно решил, что Император выдал ему на воспитание техноварвара. Такого древнего греканца на батарейках. Как он был зол! Но я доказал ему, что меня можно воспринимать как равного. Я не был психиром, как он, но я знал математику и логику, а потом я помог ему разобраться в работах Фирентийца, которые для самого Алого Короля оставались загадкой, потому что Магнус воспринимал Леонардо как мага и художника, а он был инженером вроде меня... А потом был наш общий огромный Поиск, когда мы провели совершенно прекрасный год, разъезжая туда-сюда по старой Терре, половину времени роясь в земле, а половину времени – в библиотеках... Все это время он должен был учить меня манерам и стратегии. Ох-хо, он бы научил, пожалуй. Хорошо, что ни мне, ни ему в голову не пришло заниматься такой чушью, когда у нас оставалось еще два найденных тома Говарда Провиденского...

А теперь он то ли мертв, то ли пропал варп знает куда. Потому что Император почему-то счел его опасным. Его!.. Настолько опасным, чтобы уронить ему на голову самых бешеных дикарей во всем космосе... А пока Русс был там, втапывая в грязь ученого схоласта не от мира сего, здесь поднялась *реальная* измена.

И я тоже к ней примкнул, да, дорогой *отец*. Уничтожить Магнуса – это было хуже, чем жестокость. Это была *глупость и вопиющее несоответствие занимаемой должности*. За такие вещи надо *платить*, дорогой *отец*. Так теряют подданных. Можно и нужно наказывать за ошибку, но нужно же понимать, кого и за что ты наказываешь, и в какой мере...

С Фулгримом все было иначе, конечно. Я недооценивал его так же, как Магнус недооценивал меня. Фанфарон и бахвал, разодетый в золото и пурпур, обласканный Императором... я не мог относиться к нему всерьез. Я видел его легионеров – вдохновенно подражающих ему – видел его корабли, разукрашенные в пух и прах... Однажды, когда волею судеб и военных нужд мы оказались в одном пространстве, я в рамках визита вежливости не без брезгливости посетил его баржу. Я нес с собой стопку стандартных чертежей, которые я на всякий случай сделал для каждого из так называемых «братьев», когда понял, что кроме меня, проектировать что-то здесь умеет только Император. Я думал оставить их и уйти.

Ни один из них не пригодился, а я провел на «Гордости Императора» пять дней. Только на шестой день мы вспомнили, что планету под нами неплохо было бы привести к Согласию. За это время я понял, что я и правда варвар, но это прекрасно, потому что мне оставалось так много узнать!.. В общении с Магнусом мне было очень приятно демонстрировать ему знания; ведь невежество он презирал. С этим же выходило совсем по-другому. Фулгрим был счастлив понять, что я многого не знаю; он страстно любил *учить*, разъяснять и показывать. И не только любил, но и умел.

...Для меня все так же оставалось загадкой, для чего этот умнейший, тончайший

человек, истинный ценитель всего правильно и гармонично устроенного, тратит столько сил на внешнее украшательство и показную пышность. Оставалось – пока по завершении похода я не принял его приглашение и не посетил Кемос. Его домашний мир.

И я увидел прекрасные города, построенные по идеальному плану. И цветущие сады. И жизнерадостных людей, строящих заводы и ваяющих статуи. И мертвую, радиоактивную пустыню, заваленную хламом и руинами страшных прошедших войн. Города стояли под фильтрующими куполами. Землю для садов завозили с других планет. Каждого человека этого мира, кто умел думать, радоваться и строить, научил этому Фулгрим. Они там молились на него, конечно. Феникс. Приносящий воду. В другом контексте это бы адски меня бесило. Здесь - казалось даже по-своему логичным и оправданным.

Этот мир до Фулгрима весь был зловонной пустыней и более ничем.

Это он был техноварваром, на самом-то деле. Он был и правда фениксом - рожденным из ядовитого пепла, насыщенного лантанидами. Все, во что он превратил - и продолжал превращать - свой мир, стоило ему лет и лет страшного, изматывающего, каторжного труда. Неудивительно уж тогда, что попав в Империум, он искренне полюбил яркость и пышность, ради которой больше не надо было трудиться, которую можно было просто взять и присвоить. Неудивительно, что он не просто почитал Императора, а был почти влюблен в него.

Удивительно было другое: что при этом его имя стояло четвертым в списке мятежников.

Сейчас я припоминаю, что первая моя мысль была, конечно же: "Дорн! Гнойная сука!" Рогал добился всего, чего хотел; он стал Избранным Преторианцем; он вытеснил Сангвиния и Жиллимана на периферию; он отнял у меня право заниматься Дворцом и Кораблем Императора - проклятие, он добился того, что и то, и другое стало по сути его *собственностью!* На пути к господству для него теперь стоял только один человек - Имперский Палатин, тот, чьему Легиону Император лично вручил золотое крыло. И суметь каким-то образом обвинить его в измене - это было бы настолько выгодно этому куску замороженного дерьма, что все во мне просто-таки вопило о его причастности.

Но.

Но было одно "но".

Даже если Император и правда каким-то образом устранился из ситуации. Даже если Рогал, хитрая тварь, и окрутил каким-то образом простодушного, как табуретка, кустодия.

Никто никогда не смог бы манипулировать Малкадором Сигиллитом. Этот хрупкий старикашка на моих глазах утихомиривал Ангрона, заставлял Русса соблюдать церемониал и приказывал Хану быть помедленней, а Мортариону - повежливей. И сам Магнус говорил, что многому в своем психирском искусстве научился именно у Лорда-Регента.

Все это было для меня отвратительной загадкой. И оставалось ею, пока мои корабли не

вышли в реальное пространство в полутора неделях пути от Истваана.

+++

Окраинное пространство системы Истваан Десять дней до высадки на Истваане V

+++

Переход дался нелегко. Варп не то чтобы штормило, а как будто мутило: вроде бы шторм не мог решить никак, начаться ему или нет. Это дезориентировало навигаторов, может быть, сильнее, чем могла бы собственно буря.

Но они дошли – и вышли. Радужно-мерцающий морок накатил и схлынул, и Железный Флот ворвался в реальность. За его явлением – сияющим и беззвучным, но коверкающим гравитацию на расстоянии в километры от себя – наблюдали пристальные, напряженные глаза.

Пертурабо стоит на мостике, широко расставив ноги и запрокинув голову. Настоящая паутина кабелей расходится от его головы, глаза его совершенно пусты: он смотрит очами корабля.

- Феррус здесь, – отмечает он. – Но необычно мало сигнатур. Похоже, он обогнал свой флот, бедный придурок. Ага, а вон та клякса – это, видимо, Лоргар. Походное построение «Гуано священного голубя». Остальных не вижу. – он с усилием смаргивает и начинает устало выдергивать штекеры из портов. – Похоже, нам придется подождать. Триарх?.. – он оборачивается. Дежурный триарх Дантиох скованно кивает. – Распорядитесь дать экипажам отдых. Мои благодарности навигаторам и двойной паек нижним палубам. Пристойно прошли.

- Железо снаружи, сир, – салютует триарх.

- Железо внутри, – Пертурабо отходит к командному трону и усаживается на нем, с наслаждением вытянув ноги.

Стоит ему достать инфопланшет и углубиться в чтение – над мостиком протяжно свистит сигнал тревоги. Дантиох уже ухромал, поэтом примарх, поморщившись, сам приглушает сигнал и кидает запрос сервитуру слежения.

- Четыре корабля в боевом строю, сигнатуры не распознаны, – бесстрастно бормочет сервитор. – Четыре корабля в боевом... Распознаю сигнатуры, ждите... ждите... Распознаны сигнатуры четырех кораблей. Курьерский шлюп «Мудрость Отца», флот XVII Легиона, «Несущие Слово»; корветы сопровождения «Вера Сынов», «Любовь Аврелиана» и «Надежда Миров». Запрос связи, подтвердить?

Пертурабо неохотно кивает. Лоргар. Лоргар – как комар из нержавеющей стали: терпеть трудно, прихлопнуть невозможно. Что его люди могут от нас хотеть?.. На всякий случай он посылает пинг сервиторам орудий и маневровых движков. Просто так, чтоб не спали.

Экран наливается светом. На экране тесный мостик курьерского шлюпа и некий странный легионер. На нем терминаторская броня, по обычаю Несущих изукрашенная неправильно трактованной символикой – Трон великий, у него правда на плече алхимический символ хлорида ртути?.. На нем нет шлема, и Пертурабо видит явно *пожилое*, изборожденное морщинами лицо. Нет, не изуродованное хрудским энтрополем или дручийскими пытками, а естественно пожилое. Бодрый такой мужчина – будь он смертным, Пертурабо дал бы ему лет сто, но хорошо сохранившийся.

Сопоставив данные, примарх понимает, кто перед ним, раньше, чем гость начинает говорить.

- Кор Фаэрон. Первый Капитан, – сухо констатирует Пертурабо. – Что привело тебя к моему флоту и чего хочешь твой господин?

Несущий Слово, как раз начавший было принимать какую-то вычурную позу для приветствия, морщится, одергивается и коротко кивает.

- Лорд Пертурабо, – он даже старается изобразить деловую интонацию! Пертурабо хочет дать ему печенье: полезные рефлексy надо закреплять. – Лорд Лоргар послал меня...

- Ты хотел сказать, – Пертурабо переходит на колхидский, – *Сияющий Хранитель Истинного Свидетельства, Храма Столп и Судьбы Глашатай Лоргар, владыка Уризен Златой, слуга слуг Трона?*

Мерзкий старикашка не дает себя сбить второй раз.

- Мой примарх Лоргар послал меня к Вам с приветствием и предложением тактической информации.

- Хорошо, – угрюмо кивает Пертурабо. – Ты можешь поговорить с моим Первым Капитаном. – и тянет руку к клавише отключения связи. Но Кор Фаэрон внезапно скидывает руку:

- Лорд Пертурабо! Прошу Вас, подождите!

Примарх недоуменно подымает бровь:

- Что еще?

- Со мной особый посланник. От моего примарха лично. Он хотел бы говорить именно с Вами.

- Что же это за посланник, которому твой примарх доверил то, что не готов был доверить тебе? – хмурится Пертурабо.

Кор Фаэрон пожимает плечами. Его броня при этом жужжит, она плохо отрегулирована.

- Я не обсуждаю приказов моего примарха, милорд. Как Ваши сыновья, верно, не обсуждают Ваших. Вы примете на борт нас двоих?

- Высылаю к вам катер. – бурчит Пертурабо. – Конец связи.

И оборачивается к сервитору:

- На их кораблях – держать прицел.

<Дано: дружественные сигнатуры. Подтвердить приказ: да/нет> - передает сервитор.

Пертурабо мрачно ухмыляется:

<Ответ: да>

И добавляет вслух, непонятно к кому обращаясь – не к сервитору же:

- У нас тут великая измена в разгаре, знаешь ли.

Двое идут по коридору.

Один из них – Кор Фаэрон из Несущих Слово. Он надел шлем и активировал системы брони, как будто вступив на враждебную территорию. Впрочем, в определенном смысле это так и есть.

Второй крупнее и выше. Он идет, грохоча и покачиваясь, чуть не задевая боками стены. Он – дредноут в серой с золотыми искрами окраске XVII Легиона. Орудия его рук разряжены, выглядит он каким-то необычно несобраным, шатким, лишенным обычной для его собратьев чеканности движений. Впрочем, для Пертурабо, который наблюдает за ними через цепочку камер на потолке, это выглядит даже в чем-то естественно – еще бы эти богодуи умели обращаться с дредноутами. Бедный. Надо, как кончатся переговоры, предложить ему откалибровать ходовую часть.

Они идут по длинным переходам, едут на лифтах, перебираются с уровня на уровень, и наконец широкие двери стратегиума распахиваются перед ними. Пертурабо ждет. Он стоит в центре помещения в окружении шести боевых автоматов, пристально следящих за вошедшими алыми глазками прицельных сенсоров. По углам щебечут тихонько занятые делом сервиторы. Никого в более общем смысле живого, кроме Пертурабо, в помещении нет.

Кор Фаэрон коротко кланяется.

- Милорд.

- Доброго дня, Несущий Слово, – сквозь зубы цедит примарх. – Это посланник Лоргара?

- Да, милорд.

- Что же, раз в кои-то веки мой *так называемый брату*гадал, кого ко мне посылать. Хорошо. Мы поговорим.

Дредноут медленно входит. Проходит через помещение к дальней стене. Опускает руки и ждет. Ждет и Кор Фаэрон, застыв у входа.

- Ну? – раздраженно говорит Пертурабо. – А ты чего встал? Я буду говорить с твоим старшим собратом *наедине*. Если бы твой лорд доверял тебе, он бы тебе и поручил беседовать со мной. Ступай прочь. Я сообщу тебе, когда мы закончим.

На лице Кор Фаэрона не отражается никаких эмоций. Он кланяется пониже и, тяжеломерно развернувшись, выходит. Дверь с шипением закрывается за его спиной.

В то же мгновение алые глаза автоматов потухают и они расслабленно обмирают, уходя в спящий режим. Примарх поворачивается к гостю. Разглядывает его несколько секунд, потом улыбается.

- Не беспокойся. Эти меры охраны – условность. Для твоего дурака-Капитана, чтоб совесть знал и помнил, что ему тут не рады. Тебе бояться меня не надо: я - Железный Владыка и не обижу одного из детей железа. Ну? Добро же пожаловать. Говори, чего Лоргар хотел от меня, - Примарх прикрывает глаза и активирует код-трансляторы, ожидая ответа. Но инфосфера недвижна. Выждав еще немного, Пертурабо обеспокоенно морщится:

- Великий Трон! Бедолага, у тебя что, неисправен код-порт? Или... не установлен?! Так, ну, святоши-бракоделы... Сейчас, погоди-ка немного. Сейчас все будет нормально... - он торопливо отходит к одному из стоящих в помещении верстаков и начинает рыться в ящике, ища инструмент.

Посланник Несущих Слово странно шевелится. А потом из его вокса раздается голос.

Это не тот грохочущий, механический звук, которым обычно общаются дредноуты, когда зачем-то решают говорить вслух. Это обычный, живой, человеческий голос, веселый и ясный. Только усиленный динамиками вокса. И при этих звуках Пертурабо цепенеет у верстака неподвижно, в неудобной позе. А резко проснувшиеся автоматы обжигают дредноута лучами прицелов.

- Здравствуй, брат. Ты не очень-то изменился.

Корпус дредноута щелкает и медленно распаивается по вертикальной оси.

Кор Фаэрон идет по коридору обратно. Под потолком неярко светят лампы, временами пол чуть вздрагивает - корабль меняет положение в пространстве. Несущий Слово шагает совершенно уверенно, хотя в стерильно-чистых, безликих проходах и помещениях баржи немудрено заблудиться. Но он знает, куда идет. И знает, что его там ждут.

За поворотом лампы внезапно тускнеют. Он останавливается, подстраивает сенсоры шлема. И пропускает момент, когда от стены отделяется силуэт - не менее массивный, чем он сам, в такой же модели броне; вот только броня эта движется совершенно бесшумно.

Кор Фаэрон вздрагивает от неожиданности - но быстро приходит в себя. Тот, другой, не надел шлема, и Несущий Слово узнает его лицо. И подымает руку, приветствуя.

- Первый Капитан.

- Первый Капитан, - кивает Форрикс. Он выглядит еще угрюмее, чем обычно. - Я надеюсь, что вы все сделали, как было договорено.

- Мы не совершаем ошибок и не нарушаем договоренностей, - надменно говорит пожилой легионер.

- Вы делаете и то, и другое, - качает головой Железный Воин. – Вы не дали мне понять, что происходит. Не уведомили меня о... масштабе проблемы. Не определили... степень вашего влияния. Теперь мне предстоит действовать... – его лицо кривится, словно он собирается сказать что-то отвратительное – Мне предстоит действовать... *спонтанно*. Но неважно. Идемте. И запомните: пока я не дам вам знака, вы будете молчать, как Сестра Безмолвия. Поняли?

- Да, - улыбается Кор Фаэрон, зная, что его лица все равно не видно за забралом. - Я знаю вас.

- Вы *совершенно* нас не знаете. Вперед.

- Будь ты проклят, Феникс, - говорит Пертурабо, бессильно прислонившись к стене. Автоматоны чувствуют его шок, тревогу и непонимание, и сами начинают волноваться, бессвязно водя сенсорами по помещению, выискивая угрозу. Он усыпляет их обратно судорожным движением брови.

- Не то приветствие, которое я хотел бы услышать, - нахмурившись, отвечает Фулгрим, примарх Детей Императора и изменник Трона. Он выбрался из пустого каркаса от дредноута уже целиком - судя по всему, он сидел там согнувшись, управляя движениями муляжа с помощью грубо приваренной панели - и теперь с усилием разминает затекшие ноги. Он одет только в легкое трико, ни оружия, ни брони. - Я думал, тебе понравится. Помнишь, как мы веселились над той историей - про того императора романцев, как его? Кайсар?.. и варварскую царицу? Кроме того, не светиться же мне было перед всеми твоими людьми?

Пертурабо отлипает от стены. Он смотрит на Фулгрима очень пристально; момент слабости сгинул, как не было его, теперь на лице Железного Владыки – острая тревожная целеустремленность.

- Так. Все вопросы потом.

- Предположим, – улыбается Фулгрим. Пертурабо быстро оглядывается.

- Тебя никто не видел. Тебя здесь не было. Никто не посмеет подвергнуть меня психодопросу. Нужно действовать скорее. Я подготовлю катер... Корабль Механикум, вот где тебя никто не будет искать. Обдурил Несущих Слово, молодец... Скорей! Пока никто не...
- он замирает, не понимая внезапного выражения изумления и радости на лице собеседника.

- Пертурабо, друг мой, – мягко говорит Фулгрим. – Ты предлагаешь мне – побег?.. Ты понимаешь, что ты только что... предал Императора?

Пертурабо злобно щерится на него:

- Я помешал Императору сделать чудовищную ошибку! Фулгрим, ну какой из тебя бунтовщик? Это какая-то тупая административная интрига. Это Дорн, да? Я почти *уверен*, что это Дорн! Ну так вот, когда мы вернемся на Терру, мы покажем этому... Ты лояльнее всех, кроме Магнуса с Лоргаром, клянусь Талией и Хтонесом! – он не замечает, что произнес последнюю фразу на родном языке.

Фулгрим смотрит на него... странно смотрит, на самом деле. С сочувствием, переходящим в восхищение.

- Нет, брат, – негромко произносит он. – Это *ты* вернее всех во всей Галактике. И как он мог этого не видеть... как я мог этого не видеть все это время?..

Пертурабо испускает тихий стон:

- Да хватит уже речей! Собирайся! Скорей! Несущие Слово вечно спать не будут!.. – и отсекается. С внезапной властью Фулгрим Феникс вскидывает ладонь.

- Пертурабо! Полемарх Пертурабо из Локоса, выслушай меня! – он *тоже* говорит по-олимпийски, неожиданно правильно и четко. Словно обожженный своим старинным титулом, Пертурабо вздрагивает, замирает и медленно – впервые за все это время – переводит взгляд на лицо своего брата.

Фулгрим выглядит... необычно. На его лице – явная печать усталости, чтоб не сказать – изможденности. Следы какого-то тяжелого, мрачного труда. Или борьбы. Пертурабо вдруг думает, что так он и выглядел, верно, когда, еще не зная о своем галактическом призвании, тащил на плечах, как Атталос из древней легенды, весь свой изуродованный мир. Он смотрит на Пертурабо совершенно прямо, всякая тень привычной насмешливости и напыщенности слетела с него напрочь.

- Что ты... - начинает было Железный Владыка, но Феникс обрывает его одним движением руки.

-Пертурабо, – говорит он тихо и очень твердо. – Я должен сказать тебе четыре вещи.

Первое: я действительно предал Императора и восстал против его власти.

- Да что бы ты понимал...

- Молчи, пожалуйста. Потом все скажешь. Второе: Лоргар Аврелиан мне не опасен. А знаешь почему? Потому что он – и весь его Легион – *на нашей стороне*.

Пертурабо смотрит на Фулгрима. Голова у него пустая и звонкая.

- Но почему...

- И третье, – Фулгрим на мгновение поджигает губы, словно думая, говорить ему или нет. – Пертурабо, твой Магнус.

- Он не «мой», будь я...

- Наш Магнус, – вздыхает Фулгрим. – Наш несчастный брат Магнус. Пертурабо, он мертв. Скорее всего. Или по крайней мере изгнан с собственного мира и лишен власти. Его Легион уничтожен.

- Это. Сделали. Вы? – медленно, с расстановкой спрашивает Пертурабо. Автоматоны начинают шевелиться снова.

- Это сделали Волки Фенриса. Во главе со своим примархом. По приказу Императора. Хотя Магнус – в отличие от нас – действительно был ему совершенно и полностью верен. А теперь – четвертое. Я предлагаю тебе присоединиться к нам – или уходить с Истваана. Все лояльные легионы, собравшиеся здесь, обречены. Если что, Курц тоже наш. Вместе мы уничтожим вас – а потом атакуем Терру.

Пертурабо долго молчит. Потом медленно садится на командный трон. Свет в помещении притухает.

- Ты совершенно уверен, что Лоргар тебе не опасен? – бесстрастным голосом спрашивает он.

- Да. Это он помог мне добраться досюда. Он знает, что я здесь. Он считает, что... - Фулгрим усмехается, – Он считает, что *отправил* меня сюда.

Пертурабо коротко усмехается в ответ.

- Хорошо. – произносит он, немного подумав. – Тогда... нам и вправду пора поговорить, Феникс. Нам очень, очень нужно поговорить. Садись.

Додекатеон, место воинских собраний IV Легиона, полон людей. Здесь собралось, наверное, все старшее офицерство; и Трезубец в полном составе, и избранные рядовым составом представители-архонты, и вокруг каждого из них – множество простых солдат, пришедших по зову своих старшин. Кор Фаэрон понимает, что он подсознательно ожидал

шума, гама, бурных споров, недоуменного гула – как иначе отреагировать на внезапный сбор по сигналу Первого Капитана? – но Железные Воины ведут себя совершенно спокойно. Кто-то неторопливо ходит по залу, тихо звучат приглушенные голоса, кто-то склонился, коротая время, над голографическим столом для стратегических моделей. Пристальным взглядом можно разглядеть, что значимая часть людей словно бы постепенно скапливается вокруг согбенной фигуры Дантиоха – но куда большее количество не отходит далеко от играющих в модели Голга и аптекаря Сулаки в снежно-серебряном наплечнике, странно смотрящемся на потертой неокрашенной броне его Легиона. Явление Первого Капитана – двух Первых Капитанов – слегка всколыхнуло собрание. Лица повернулись, глаза поднялись – но не более того.

- Они так спокойны – шепчет Кор Фаэрон.

- Я *никогда* не видел их такими взволнованными, – резко отвечает Форрикс. – И ты обещал мне молчать. Встань вон там и не отвечивай.

Он проходит широкими шагами к небольшой трибуне у края зала. Входит на нее. Слегка прокашливается. Подключает тянувшийся от трибуны тонкий кабель вокса к своему доспеху.

Оглядывает будто бы нехотя толпу.

В зале устанавливается полная, глубокая тишина. Кто-то выключил голографический стол, голубоватый отсвет погас, и в углы вползла полутьма. В сумрачном пространстве зала светятся бледные лица, громоздятся бронированные плечи. Тихо шелестит вентилятор под потолком.

- Коллеги и товарищи, – неторопливо, ровным тоном произносит Форрикс. Немного медлит и не без труда добавляет, - Братья. Я собрал вас здесь для самого главного разговора в нашей с вами жизни. Давайте отнесемся к этому всерьез. Я не мог поговорить с вами об этом раньше... я сам многого не знал. Но теперь... – он коротко, небрежно кивает в сторону Кор Фаэрона. – Теперь я осведомлен.

Легкий шум: Дантиох и Голг проталкиваются поближе к кафедре. Встают напротив. Смотрят. Молчат. Ждут.

- Прямо сейчас наш примарх, – говорит Форрикс, - принимает очень тяжелое, но очень важное решение. Оно затронет все наши судьбы – и переменит историю нашего Легиона, каким бы оно ни было. Но я хочу сейчас в последний раз поговорить с вами так, как говорили мы когда-то – кто еще помнит – до того, как Легион получил свое имя и предводителя. Вы все меня знаете. Я – Глен Форрикс, Первый Капитан и старейший триарх. Я родом с Терры. Я был с вами все это время. Он медленно, беззвучно вздыхает.

- Я выдвигаю предложение для обсуждения на агоре Легиона. По праву Первого Капитана и одного из ваших избранных архонтов я прошу о голосовании.

Снова мгновение тишины. Форрикс опускает глаза. Смотрит на собственные руки, устало

опершиися на край кафедры.

Поднимает лицо – и с трудом, продираясь сквозь плотно сведенные челюстные мышцы, злая, кривая улыбка прорезается на его угловатом лице.

- Я предлагаю нам с вами отказаться от верности Императору и поддержать примарха Гора, Магистра Войны, в его мятеже.

+++

Истваан V, зона высадки

+++

Жалкие три минуты у меня остались. Я не уверен, что я спланировал все верно. Не уверен, что я вовремя начал вспоминать. Что у меня хватит времени вспомнить.

Удивительное ощущение спешки и нехватки времени.

Удивительное понимание, что я совершил классическую ошибку неумелого подмастерья: самое важное и сложное отложил напоследок.

Надо же, Пертурабо, как это интересно, оказывается – ошибаться и торопиться. Надо будет попробовать сделать так когда-нибудь еще.

Спешу. Подними голову. Посмотри вверх. Неважно, что ты там видишь посередине. Неважно, что смотрит на тебя сверху, корячится посреди небосвода, пульсирует, как неисправная диафрагма системы наведения. Не. Важно. Важно, что видно другое. Вон она, золотистая звездочка. Ее не видно на самом деле на таком расстоянии на небе, она – иллюзия, создаваемая системами брони. Она – сильнейший источник пси- и радио-, и световых, и нейтронных, и всех вообще других возможных волн, хотя бы теоретически используемых для связи. Она – Астрономикон. Золотой Трон.

Она – Император.

Здравствуй, Император.

Ты, говорят, невообразимой силы психир. Что же, я в это верю. А еще говорят, что ты находишься с нами в незримой связи – со всеми нами восемнадцатью, и хотя бы приблизительно чувствуешь, что происходит у нас в головах. Я не верю в это, но – как знать. Я все равно никак не могу это проверить. Моего-то собственного психирства не хватит и бабочку приманить.

А еще говорят, что ты защищаешь.

И вот это – чистейшая ложь. Никого и ни от чего ты не можешь защитить. Ты не защитишь Вулкана, когда пройдет три... то есть две с четвертью минуты. Ты не защитишь других своих людей, когда Лоргар и Курц, Ангрон, Мортарион, Гор и Фулгрим обрушатся

на них, как тысяча тонн рокритовых блоков.

Ты не защитишь свою империю. От Гора. От Фулгрима. От меня. Остальные незначимы. Или одержимы бредом. Я не знаю, почему они вообще были с тобой. Я не знаю, за какой поводок ты держал Ангрона и Курца, не знаю, почему ты сперва потакал мании Лоргара. Не знаю, почему поводок порвался. Это несущественно. Не они твои реальные противники. Мы. Трое примархов, которых ты по-настоящему разочаровал.

Ты знаешь, Император – прости, тебя я тоже ведь на самом деле не могу называть отцом, разве в издевку – знаешь, Император, я всерьез полагал, что Фулгрим сошел с ума. Что Лоргар заморочил ему голову. Я ожидал, что он начнет рассказывать мне какую-нибудь мистическую чушь. Я всерьез собирался ведь оглушить его, запихнуть в стазис-поле, как в смирительную рубашку, и увезти в одну из дальних крепостей по ту сторону ничего. Я довольно понастроил таких – по твоей воле. Я разделил свой Легион, я разбросал его по космосу для бессмысленного гарнизонного бдения. Ты приказал так. Я считал, что тебе виднее. Я считал, что ты – разумнее всех нас. А мятежники – безумны.

Как получилось, что вышло наоборот?

Как получилось, Император, что Фулгрим говорил со мной шесть часов - об экономике, стратегии, распределении ресурсов, настроениях людей, бунтах, логистике – как получилось, что он говорил со мной об этом, а не ты? Почему ты сейчас на Терре? Что ты строишь в своем Дворце, почему ты доверил его перестройку не мне, а фанатику Дорну? И, да, Феникс убедил меня, что Дорн знал о твоих планах не больше моего – он тоже изумился, когда ты отдал Дворец ему. Неужели тебе и правда нужен был там человек, который способен выполнить *действительно какой угодно* твой приказ, не рассуждая?

Неужели... ты и правда хочешь сделать из своего Дворца – из *нашего* Дворца, из живого символа Империи...

Проклятье, я не хочу говорить этого слова. Ты же наказал за это Лоргара. Ты...

Ты и правда хочешь превратить это место – в *Храм?!*

Феникс показал мне. Он показал мне брошюры. Файлы. Подборки сообщений и постингов. То, что распространяется с Терры. То, что насыщает инфосферу, как проклятый вирус. Передается от человека к человеку. От планеты к планете.

Длань Императора прикасается к каждому из нас, и все мы должны возносить Ему молитвы. В глубинах варпа несокрушимый дух Императора ведет борьбу с темными силами, которые грозят вырваться и поглотить всех нас. На Терре Он творит чудеса, способные нести мир и просвещение всей Галактике, способные воплотить все наши мечты. Император ведет нас, учит нас, но более всего – Император нас защищает.

Я бы не поверил, правда. Я бы решил, что все это – всего лишь придурь отчаявшихся смертных, обычные метания недостаточного разума. Но, Император. Ты ведь уничтожил Магнуса.

Магнуса, который был вторым психиром в Галактике после тебя.

Магнуса, который все эти годы, эти *века* занимался только одним – исследованием варпа как естественной силы. Который тратил всю свою жизнь только на одно – на превращение психирского искусства в *науку*. В такое же ремесло, как инженерное дело или навигаторский расчет. Который боролся с суеверием везде, где видел его. Который ничего не хотел сильнее, чем избавить фрагово человечество от любых назойливых теней – от любых *богов*.

Магнуса, который обладал огромным авторитетом в пси-сообществе.

Который – случись тебе и впрямь объявить себя богом – легче легкого смог бы *опровергнуть и разоблачить* тебя.

И ты послал на его планету Волков. Сумасшедших варваров, которые в открытую называют тебя Всеотцом. Титулом их племенного божка, хозяина небесных чертогов.

Ты отдал свое руководство походом Гору. Зачем? Не затем ли, что ты больше не хочешь быть военным лидером, ты хочешь быть как древний романский папас, низвергатель и покровитель королей?

Ты отправил меня прочь с Терры. Зачем? Не затем ли, что я уж точно не подчинюсь тебе, если ты повелишь мне поклониться тебе, как богу? В отличие от Дорна, Сангвиния, Русса, Хана – от тех, кто действительно верен тебе *лично*, а не как я?

Ведь я на самом деле всегда служил *Империи*, а не тебе.

Ведь я никогда не мог, и сейчас не могу, называть тебя отцом.

Я выслушал Фулгрима. И я принял решение. Почти принял. *Почти*.

И мой Легион принял это решение вместе со мной.

Когда я вышел из дверей стратегиума... когда я вышел. Ох, ну и зрелище я, верно, собой представлял. Фулгрима я оставил там, запертым. Я все еще не знал, могу ли я показать его Легиону. Могу ли я позволить им увидеть. Будут ли они верны мне. Ведь они тоже никогда не служили, на самом-то деле, мне *лично*. Ты не был мне отцом. А они – не были мне сыновьями. Они могли не подчиниться мне. Я не имел над ними никакой *особой* власти.

Они ждали меня – варп знает сколько часов они стояли под дверью. Форрикс. Голг. Сулака. Харкор. Беросс. Еще несколько человек. Дантиоха, Вастополя и никого из дантиоховой команды я не увидел.

Где они – спросил я тогда, и Форрикс ответил: «Триарх Дантиох сложил с себя командование, сир».

А потом он сказал мне: «Ваш Легион готов выполнить Ваши распоряжения». Посмотрел

как-то особенно пристально – обычно-то он мне в лицо старается не смотреть – и добавил: «Любые Ваши распоряжения, сир».

Не знаю, что случилось с Дантиохом. И не хочу знать. Форрикс не говорил, я не спрашивал. Очевидно, что мой бывший триарх предпочел все-таки остаться верным тебе. Я все-таки ошибался в нем. Все-таки он был и остался олимпийцем, а Железным Воином так и не стал. Что же. Именно потому, что я никогда не был *настолько* близок со своими людьми, сейчас я не чувствую на него особенной злости. Разочарование, да. Но не более того.

Если он мертв... пусть будет мертв. А может быть, он до сих пор сидит запертый в одном из трюмов, а когда битва кончится, я недосчитаюсь одного из второстепенных кораблей. Если Форрикс окажется внезапно милосерден. Мое безразличие здесь на его стороне; я не буду мешать ему быть милосердным в этот конкретный раз. Прими своих людей, которые притворялись моими. Вряд ли ты сможешь надолго удержать их верность. Ты не умеешь быть благодарным; богам ведь не нужно благодарить своих слуг.

Но получается, что сейчас мы едины, куда бы я ни двинулся с этого поля. Какой бы приказ ни отдал.

Какой же приказ я нынче отдам?

Император. Любое решение, которое принимает человек знания – так учил меня Магнус, убитый тобой – должно быть принято по итогам взвешенных размышлений. И... эксперимента.

Я ведь не психир. Я не вижу и не слышу ничего, кроме... *Ничего* я не вижу и не слышу. Я не знаю, есть ли во Вселенной настоящий бог. Я не знаю, что ты такое. Не знаю, на что ты имеешь право и чем можешь – и насколько обоснованно – себя считать. Я никогда не говорил с тобой об этом, а ты – ты никогда почти ничего не рассказывал мне. Ты вообще не хотел и не умел говорить со мной так, чтобы я тебя понимал. Но... если...

Если ты действительно можешь услышать меня, *отец*. Вот, я говорю это слово. Ответь мне. Если ты *защищаешь* – защити меня от моего искушения. Защити свой мир – от меня.

Вот. Я сказал. Я успел. И теперь – я жду.

Осталась минута.

Сорок секунд.

Тридцать секунд.

Двадцать секунд.

Саламандры появились на гребне. Вулкан запрашивает канал связи.

Десять секунд.

Молчишь? Не говоришь ничего?

Я так и думал.

Пять.

Четыре.

Три.

Два.

Один.